

№ 587. — Письмо к матери.

[Август 1856 года. Шлиссельбург.]

Вот Вы и уехали, милая маменька, и мне теперь кажется, что я не выразил Вам и сотой части тех чувств любви, благодарности, почтения, которые Вы как будто вновь и столь сильно пробудили во мне впродолжение нашего кратковременного и для меня незабвенного свидания, - свидания, которое будет для меня еще долго, долго источником жизни. Да благословит Вас бог за вашу любовь к нам, широкую, безграничную, безусловную, как может быть только любовь матери к детям. Братья и сестры так счастливы, что могут вознаградить ее делом, я же могу ответить на нее только своею любовью, и поверьте, милая маменька, что хотя по абстрактности моей природы я плохо умею выражать ее, она глубиною и горячностью не уступает ничьей. Ведь я так глуп, что, прощаясь с Вами, просил Вас уверить и сестер, и тетюшку Екатерину Ивановну, и дядюшку, и кузину Катю (Полторацкие.) в моей сердечной привязанности, а Вам самим и не сказал, до какой степени я Вас люблю. И вот, как Вы уехали, я походил, походил, потом лег, потом опять долго ходил, все думал о Вас, сел да и написал эти строки, мыслью и сердцем как будто догоняя Вас для того, чтобы еще раз с Вами проститься, и, написав их, стал спокоен. Я знаю, что Вы поверите мне.

Больше ничего не пишу. Обнимите сестер, милая маменька, скажите им, что я их люблю искренно и горячо, хотя и разучился говорить с ними. Бог даст, опять найдем когда-нибудь язык для взаимного понимания.

А знаете ли, какая мысль мне пришла, когда я ходил и думал о Вас? Вы так добры, снисходительны, при Вас чувствуешь себя так привольно, что со стороны могли бы подумать, глядя на наше обхождение с Вами, что Вы нам - старшая сестрица, а не мать. Но это не опасно, потому что при всей любви, безграничной доверенности и свободе обращения, с которыми мы относимся к Вам, никто из нас ни на одну минуту не позабудет того глубокого, религиозного почтения детей к матери, которое для нас - не только священный долг, но наше добро, наше счастье и наша гордость.

Благословите ж меня, милая маменька, и пишите скорей, а сестер и Gogo (Г. П. Вульф.) обнимите.

Ваш
М. Бакунин.

Впрочем вы, мои милые сестрицы, не придавайте слишком драматической важности моему тонкому намеку (На отсутствие взаимного, понимания.). Это - не более как легкий крючок

для того, чтобы возбудить в вас к себе немного поболее интересу, а не то чтоб я хотел пускать кровь по старому выражению и по старому обычаю.

Комментарий

Но 587.-Напечатано у Корнилова, II, стр. 553-554.

На оригинале надписано "1856". По содержанию письма видно, что оно написано вскоре после свидания с матерью, значит в августе 1856 года.

В августе Алексей с матерью прожили в Шлиссельбурге более недели, свидевшись за это время с Бакуниным несколько раз. В результате этих посещений и бесед явилось новое прошение матери Бакунина от 31 августа 1856 г. на имя шефа жандармов, каковым теперь был уже В. А. Долгоруков. В этом прошении, впервые опубликованном нами в книге о Бакунине (1920, стр. 337-338), мать просила отдать Михаила, замешанного в "немецких возмущениях 1848-го года", на поруки ей и пяти братьям с обещанием, что дом их будет для Бакунина "не менее тесным и по возможности тайным заключением", чем Шлиссельбургская крепость. Долгоруков отказался даже доложить эту просьбу царю, а если и доложил, то последовал отказ. Отрицательный ответ Долгорукова В. А. Бакуниной имеется в "Деле", часть II. лист 287.

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 15 декабря 2025 15:18:25

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 15 декабря 2025 15:18:58